

АВТОРОЛОГИЯ

О. Ю. Шум¹

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ ОБРАЗ КАК ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

(на материале прозы М. Горького)

В статье на материале произведений М. Горького рассмотрено понятия «эксклюзивный образ», уточняющее более широкое понятие «индивидуальный авторский образ». Исследован генезис эксклюзивного образа «будки всеобщего спасения» в горьковской прозе, прослежена история его воплощения в текстах, выявлены ассоциативные связи. Установлено: эксклюзивный образ отличается принципиальной неповторимостью, является следствием исключительных личных впечатлений автора, обладает набором устойчивых ассоциаций в его творчестве.

Ключевые слова: М. Горький, индивидуальный авторский образ, авторская субъективность, семантика образа, эксклюзивный образ.

O. Yu. Shum

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

EXCLUSIVE IMAGERY AS A METHOD OF DESCRIBING AUTHOR'S SUBJECTIVENESS (ON THE EXAMPLE OF M. GORKY'S PROSE)

The article is based on the material of M. Gorky's works and examines the "exclusive image", which specifies a more broad concept of an "individual author's image". The genesis of an exclusive image of "box of universal salvation" in Gorky's prose, the history of its embodiment in the texts, as well as associative connections were researched. It was established that exclusive image is notable for a certain uniqueness. It is an imprint of the author's personal experience, which has a set of steady associations in his works.

Keywords: theoretical terms, individual author's image, author's subjectiveness, semantics of the image, exclusive image.

¹ Ольга Юрьевна Шум, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры рекламы и издательского дела Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО КФУ им. В. И. Вернадского; e-mail: shum_olga@list.ru

В традиционной классификации художественных образов, зафиксированной в частности в «Литературном энциклопедическом словаре», по смысловой обобщенности выделены индивидуальные, характерные, типические образы, образы-мотивы, топосы, архетипы. Данное деление обоснованно и логично, хотя составители словаря делают оговорку, указывая: четкая дифференциация этих разновидностей еще не установлена и затрудняется тем, что они могут рассматриваться с двух сторон: «как разные аспекты одного О., как иерархия его смысловых уровней (индивидуальное по мере углубления переходит в характерное и т.п.)» [Литературный ... словарь, 1987, с. 254].

Классификационная система образов в силу своей неоднозначности, безусловно, оставляет возможность для внесения корректив, которые смогли бы уточнить теоретическое понятие образа, раскрыть дополнительные и, возможно, неожиданные смыслы не только в образной системе произведений того или иного автора, но и в сфере его художественной субъективности. Статьи, посвященные данной проблеме, немногочисленны, но появляются довольно регулярно. При этом исследователи обращаются к разным аспектам понятия «образ»: характеризуют содержание индивидуального образа мира в свете лингвокогнитивного подхода¹, раскрывают особенности вербализации авторского мировосприятия в переводном дискурсе² и, конечно, обращаются к анализу отдельных индивидуальных образов в художественных произведениях: например, к образу игры у Л.Н. Андреева³ или (что особенно актуально в контексте нашего

¹ См., например, *Бубнова, И. А.* Индивидуальный «образ мира» как объект психолингвистического анализа / И. А. Бубнова // *Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов.* – Москва: МАКСПресс, 2012. – Вып. 45. – С. 57-69; *Тарасова, И. А.* Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография / И. А. Тарасова. – Москва: Флинта, 2012. – 196 с.

² *Крюкова, Л. Б.* Авторское мировосприятие и специфика его вербализации в переводном поэтическом дискурсе (на материале стихотворений Й. Эйхендорфа «Ночью» и В. Брюсова «В духе Эйхендорфа» / Л. Б. Крюкова, Д.А. Олицкая // *Вестник Томского государственного педагогического университета.* – 2016. – № 3 (168). – С. 37-41.

³ *Коробейникова, А. А.* Индивидуальный пространственный образ в рассказе Л. Н. Андреева «Большой шлем» / Коробейникова А. А., Пыхтина

исследования) к аллегорическим образам в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина»¹. Для нас важно, что, раскрывая уникальность иносказательной поэтики романа, Л. М. Борисова отметила ее обусловленность авторской субъективностью: «Для выражения своей позиции в «Жизни Клима Самгина» Горький выработал сложную систему символов, устойчивых индивидуально-авторских тропов, литературных, политических и философских подтекстов» [Борисова, 2015, с. 301].

Представляется актуальным дополнить общую картину исследований индивидуальной авторской образности, предложив к рассмотрению понятие «эксклюзивный образ» (исходя из значения слова «эксклюзивный» – исключительный, неповторимый; единственный в своём роде [Современный словарь..., 2010, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>]).

Смысл предлагаемой нами терминологической единицы основан на определении: «Индивидуальные О. созданы самобытным, подчас причудливым воображением художника и выражают меру его оригинальности, неповторимости» [Литературный ... словарь, 1987, с. 254]. Хотя «неповторимость» как характерологическая черта входит в указанное определение, не все индивидуальные авторские образы в полной мере обладают ею, и в первую очередь это касается образов-персонажей. Например, созданный М.Ю. Лермонтовым образ Демона или М.А. Булгаковым – Воланда самобытны и оригинальны, но назвать их неповторимыми нельзя уже потому, что разнообразные вариации их были растиражированы в массовой литературе. Впрочем, на данном этапе мы не готовы оценивать специфику индивидуальной образности вне творчества М. Горького, поскольку само явление, которое мы назвали «эксклюзивным образом» и рассматриваем как вариант индивидуального образа, было обнаружено нами именно в горьковских произведениях.

Речь идёт об образе будки.

Ю. Г. // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – 11 (130). – С. 16-19.

¹ Серия статей Л. М. Борисовой: *Борисова, Л. М.* Иносказание в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» / Л. М. Борисова // *Русская речь*. – 2014. – № 1. – С. 8-13; *Борисова, Л. М.* Аллегорическая героиня М. Горького (загадка Марины Зотовой) / Л. М. Борисова // *Вопросы русской литературы*. – 2014. – № 27 (84). – С. 67-75; *Борисова, Л. М.* «Двоеточие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория / Л. М. Борисова // *Вопросы литературы*. – 2015. – № 2. – С. 300-321.

По-настоящему своеобразный образ будки возникает в рассказе «Ошибка» (1895)¹. Главные персонажи рассказа встречаются, когда один из них – Марк Кравцов три дня как сошел с ума, а второй – Кирилл Ярославцев находится на грани помешательства. Сумасшедший выступает в роли «учителя» и развивает идею исхода в «обетованную страну», спасения угнетенных жизнью людей в специально созданной для этого «будке», а «ученик», окончательно сойдя с ума, проникается этой идеей.

Речь Кравцова представляет собой смесь реминисценций из текста Библии, произведений Ф. Ницше и теории утопических социалистов: «нищие духом», «как Моисей из Египта», «обетованная страна», «оденьтесь в светлое», «мы войдем в вечное блаженство, как ангелы во сне Иакова»; «орёл будущего», «не по-человечески справедлив»; «будка, а не коммуна, не фаланстер», «здания счастья», «царство гармонии» и др. Еще упоминается античный Кастальский ключ с добавлением: «Кастальский источник свободы». Горький воспроизводит популярный в то время риторический текст на темы новой жизни, освобождения человека от гнета действительности и т.п. Весьма примечательно, на наш взгляд, что в этой риторике немалое место отведено религиозным образам, неточным цитатам из Библии, получавшим иной раз не просто искаженное, а прямо противоположное значение. Так, словосочетание «нищие духом» использовано без ключевого в евангельском контексте слова «блаженны». Секулярный смысл в результате совершенно иной: не смиренномудрые, а ограниченные, бездуховные люди «в плену у жизни», растерявшие свои героические идеалы.

Привлечение библейского текста к политической борьбе происходило с его одновременным переосмыслением и последующим поиском альтернативных секулярных вариантов. Таким образом, уже в 1890-е годы проявлялась тенденция, ставшая через сорок лет практикой политической власти. И.А. Есаулов охарактеризовал эту тенденцию как «проникшее во все сферы официальной идеологии и

¹ Подробный анализ рассказа см.: Шум, О.Ю. Своеобразие авторской субъективности в рассказе М. Горького «Ошибка» [Электронный ресурс]: научная статья / О.Ю. Шум // Концепт: научно-методический электронный журнал. – 2016. – Т. 15. – С. 196-200. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86940.htm>. (04.08.2017).

культивируемое литературой стремление к тому, чтобы «советский народ» евангельскую систему координат (с этикой любви, жалости и сострадания) изменил не просто на иную, новую (советскую), но и на прямо противоположную старой» [Есаулов, 1995, электронный ресурс, <http://esaulov.net/uncategorized/kategorija-glava-8>]. В этом плане риторика горьковских героев отражает также идеологические процессы «большого исторического времени» (выражение М.М. Бахтина) рубежа XIX–XX веков в России, проявлявшейся, с одной стороны, в дискредитации церковного христианства, с другой, – в попытках его «инвентаризации» для возвращения к первоосновам. На следующем творческом этапе, в повести «Мать» (1906), Горький создаст образы революционеров, подобных первохристианским подвижникам.

Среди популярных клишированных образов в речи Кравцова есть один абсолютно уникальный. Безумный Кравцов фантазирует: «Среди нас будет возвышаться над всеми будка всеобщего спасения, и на вершине её, под стеклянным колпаком, буду вечно вращаться я сам и смотреть за порядком среди тех, что вручены мне судьбой» (1, с. 464–465)¹. Вне контекста сочетание сниженного «будка» с возвышенным – «всеобщего спасения» – может показаться ироничным, но в контексте рассказа такой окраски у этого сочетания нет. Образ, созданный душевнобольным «учителем», как и вся его тирада в целом, воспринимается «учеником» с катарсическими слезами и восхищением. Но, главное – иронии нет и у автора. В этом эпизоде Горький описывает смерть человеческой души, и для него гибель обманутого лжеучителем «ученика», если не трагедия, то никак и не комедия.

Писатель рисует картину, пусть безумного, но возвышающего единения. На полу комнаты «голубая хартия луны и теней», в окна смотрит «тихая и темная» ночь, а двое – «учитель» и «ученик», не обращая внимания на заглядывающих поочередно обеспокоенных соседей, шепчутся лицом к лицу, наполняя пространство «волнующимися звуками торжественного шепота» (1, с. 466). Когда на рассвете запускается процесс окончательного погружения Кирилла Ярославцева в безумие, он видит эпической мощи картины исхода: пустыню, кроваво-красный шар, дорогу с людьми, уходящими из

¹ Произведения М. Горького цитируются по изданию: [Горький, 1947–1953]. Номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

плена жизни, их души, великого человека, себя рядом с ним, «работу созидания будки всеобщего спасения» (1, с. 467). Яркие сцены перемежаются тьмой, которая вытесняет их постепенно, наполняя в итоге все существо Кирилла холодом и страхом.

В таком контексте уместным было бы сочетание «башня всеобщего спасения», но Кравцов настаивает: «будка, а не коммуна, не фаланстер, будка – это легально, не правда ли?» (1, с. 464). Последние слова содержат прямой намек на то, что собственно и имеет в виду автор, а именно – полицейскую будку. Главным зданием «обетованной страны» будет строение, созданное по типу казенного жилья для одного из низших полицейских чинов. Понятно поэтому, почему это здание «легально», как говорит Кравцов, и почему в нем «учитель» собирается надзирать за остальными. Было бы соблазнительно увидеть в данном индивидуально-авторском сочетании особую прозорливость писателя, разглядевшего опасность в утопических идеях Кравцова, или все-таки тонкую изощренную насмешку над ними, но изучение генезиса образа «будки всеобщего спасения» сделать это не позволяет.

Несколько ранее рассказа «Ошибка» Горький написал повесть «Горемыка Павел» (1894), с ее помощью, на наш взгляд, можно прояснить семантику эксклюзивного образа «будки всеобщего спасения».

Будочнику Арефию Гиблому довелось нести в часть подкидыша. Проникшись горестной судьбой крошечного, но уже чуть не погибшего существа, Арефий решает забрать младенца Павла к себе. До четырёх лет за мальчиком присматривала старуха, бравшая маленьких детей на пригляд за деньги, а после Панька поселился в будке Арефия, расположенной на выезде из города, окнами в поле. И вот эта полицейская будка, казенное помещение, стала для Павла в буквальном смысле будкой спасения. В ней прошли лучшие годы его горемычной жизни.

«Будка спасения» горемыки Павла описана Горьким как живое существо: восходящее солнце отражалось в стеклах окон будки, «отчего эти два окна казались громадными смеющимися глазами странного чудовища с острой, зеленой головой, вылезавшего из земли посмотреть на свет божий, причем кусты бузины, взползавшие на крышу, можно было принять за растрепанные кудри, а щели над дверью будки – за морщины на веселом, улыбавшемся челе чудовища» (1, с. 213). Образ веселого чудовища (почти

языческого) формально не связан с образом возвышающегося над всеми здания со стеклянным колпаком. Связь между ними, по нашему мнению, ассоциативно-смысловая: и в том, и в другом случае создан образ полицейской будки (буквальной в повести «Горемыка Павел» и подразумеваемой в рассказе «Ошибка»), которая представляет собой убежище для людей, молодых, но чувствующих себя чужими жизни, подавленными ею. Подтверждение этой связи мы обнаружили и в повести Горького «В людях» (1914).

Вспоминая себя пятнадцатилетнего, писатель отмечает ощущение присутствующей в нем раздвоенности: «Во мне жило двое: один, ... подавленный знанием буднично страшного, начинал относиться к жизни, к людям недоверчиво, подозрительно, с бессильною жалостью ко всем, а также к себе самому. <...> Другой, крещенный святым духом честных и мудрых книг, ... напряженно оборонялся, сцепив зубы, сжав кулаки, всегда готовый на всякий спор и бой» (13, с. 502). Раздвоенность героя повести «В людях» отсылает к образам Павла Гиблого и Кирилла Ярославцева. Павел тоже ее чувствует: «В нем как бы билось две волны: одна – теплая и оживлявшая его, другая – холодная, тоскливая, окутывавшая его тяжелым мраком» (1, с. 291). Светом его пустой, одинокой жизни станет на время гуляющая девушка Наталья, которую он потом убьет, не смирившись с ее образом жизни. Кирилл Ярославцев, тихо сходящий с ума еще до встречи с «лжеучителем», одержим гнетущими мыслями, которые также раздваивают его личность. Сначала он с ними боролся, потом начал им уступать и часами находился в их власти, «как бы расколотый на две части», одна часть, становясь всё меньше, «жалобно и беспомощно следила за другой, которою овладели эти тяжелые думы, перетиравшие, подобно жерновам, все хорошее и светлое, что есть в жизни, и все, чем наделяет ее мечта, в сухую, бесцветную, едкую пыль» (1, с. 448). Ярославцев найдет опору в речах Кравцова, поверит ему и окончательно погибнет.

Персонажей, связанных с образом полицейской будки, Горький наделяет частью собственного умонастроения того времени, когда сам был так же молод, как они, и страдал от внутренней раздвоенности, «расколотости» личности. При этом «первый» внутренний человек героя автобиографической трилогии «мечтал о тихой, одинокой жизни с книгами, без людей, о монастыре, лесной сторожке, железнодорожной будке, о Персии и должности ночного сторожа где-нибудь на окраине города» (13, с. 502). Среди

перечисленного нет конкретно полицейской будки, но, по нашему мнению, и лесная сторожка, и железнодорожная будка, и должность сторожа на окраине ассоциативно связаны с будкой Арефия – уединенной, находящейся за городской чертой. В ней юноша Павел читал книги и наблюдал за живущими в клетках многочисленными птицами, совершенно не стремясь в жизнь, к людям. Примечательно, что в прозе Горького есть ещё одна будка, полная птиц. В рассказе «Скуки ради» (1897) ими заполнил свою сторожку стрелочник Афанасий Ягодка, старый солдат. Эта повторяющаяся деталь, по видимому, связана с увлечением самого писателя. По воспоминаниям А.Е. Богдановича, близко знавшего Горького в Нижнем Новгороде, он любил птиц и тонко подмечал их особенности. Зимой 1900 года писатель «развел у себя целый птичий поселок», рассаживал птиц «в разные клетки по породам и содружествам, давал им разный корм, сменял воду и чистил клетки» [Богданович, 1965, с. 44].

Эксклюзивный образ «будки всеобщего спасения» ассоциативно связан и с полицейской будкой из повести «Мои университеты» (1923). В данном случае можно говорить об идейной параллели между рассуждениями «учителя» Кравцова и казанского городского Никифорыча. Хитрый «нищешанец» Никифорыч, как и Марк Кравцов, «ловец человек» и «объясняющий господин». Рассуждая о жизни, философствующий городской раскрывает свое понимание вопроса о жалости и жестокости, на который в одной из редакций рассказа «Ошибка» искал ответ Кирилл Ярославцев: убить раненное животное, тяжелобольного – это жалость или жестокость? морально или не морально? Для Кирилла проблема осталась не решенной, а вот полицейский «философ» у Горького высказывается вполне определенно: «жалость – вещь вредная», она требует очень больших расходов на слабых, а потому «ненужных и вредных даже людей». Слабого не сделаешь сильным, поэтому помогать нужно «людям крепким, здоровым, чтоб они зря силу не тратили», а иначе, по мнению полицейского будочника, «крепкие слабеют, а слабые – на шею у них сидят». Перед своим «нищешанским» резюме Никифорыч тоже вспоминает евангельское выражение «блаженны нищие духом» и тоже искажает его, как Кравцов, но в его сознании «застревает» первая часть: «Например – насчёт нищих: блаженны нищие, – чем же это блаженны они? Зря немножко сказано. И вообще, насчёт бедных – много непонятного» (13, с. 571).

В отличие от Кравцова, Никифорыч даже на словах никого спасти не собирается, а как раз наоборот: призывает уничтожать ненужных слабаков, к которым, кстати, после своего мимолетного подъема стал относиться Ярославцев. Но так же, как и Кравцов, он «объясняет жизнь». Горькому «поучающие господа» были неприятны, а вот мысль о бесполезности слабых и сломленных жизнью неприятна не была: «Его слова о вреде жалости очень взволновали и крепко въелись мне в память. Я чувствовал в них какую-то правду, но было досадно, что источник ее – полицейский» (13, с. 575). Такого рода настроения писателя, отраженные в его произведениях, дали возможность критикам говорить о ницшеанской подоплеке горьковского творчества¹.

Подводя итог, можно резюмировать: эксклюзивный авторский образ является разновидностью индивидуального авторского образа; в основе эксклюзивного образа – глубоко личные авторские впечатления, делающие тиражирование образа практически невозможным; в творчестве самого создателя эксклюзивного образа последний должен иметь ряд устойчивых ассоциаций, доказывающих его не окказиональную природу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданович, А. Е. Страницы из жизни Максима Горького: материалы к биографии Максима Богдановича. Мои воспоминания / А. Е. Богданович. – Минск: Изд-во «Наука и техника», 1965. – 229 с.

Борисова, Л. М. «Двоеточие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория / Л. М. Борисова // Вопросы литературы. – 2015. – № 2. – С. 300-321.

Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. / М. Горький; Академия наук СССР, ИМЛИ им. А.М. Горького. – Москва: Художественная литература, 1949–1953. Т. 1: Повести, рассказы, стихи 1892–1894. – 1949. – 512 с.; Т. 13: Повести 1913–1923. – 1951. – 646 с.

Есаулов, И. А. Глава 8. Религиозный вектор советской литературы [Электронный ресурс] // Категория соборности в русской литературе: монография / И. А. Есаулов. – Петрозаводск:

¹ Клюс, Э. Ницше в России. «Революция морального сознания»: монография. / Эдит Клюс. – Санкт-Петербург: Академический проект, 1999. – 240 с.

Издательство Петрозаводского ун-та, 1995. – URL:
<http://esaulov.net/uncategorized/kategorija-glava-8/> (04.08.2017).

Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред.
В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. – Москва: Советская
энциклопедия, 1987. – 1256 с.

Современный словарь русского языка три в одном:
орфографический, словообразовательный, морфемный [Электронный
ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ, 2010. – URL:
<http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>
(04.08.2017).